

УДК: 94(470.57)«1917/1941»
EDN PHSXKR

<http://vestnikniign.ru>

Научная статья

МЛАДЕНЧЕСКАЯ СМЕРТНОСТЬ В ДЕРЕВНЕ В 1920 — 1930-е гг. (на примере Башкирской АССР)

Ш. Н. Исянгулов

Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук,
г. Уфа, Россия
isangul-schamil@mail.ru

Аннотация

Введение. В статье рассматривается младенческая смертность в сельской местности Башкирской АССР в 1920 — 1930-е гг. в сравнении с аналогичными показателями относительно всего населения. В ней впервые в историографии определены коэффициенты младенческой смертности в 1926 — 1940 гг. как в деревне, так и по всей территории региона.

Материалы и методы. Обзор имеющейся по обозначенной теме литературы показал, что проблема изучена недостаточно. Основными источниками стали опубликованные и неопубликованные статистические материалы. Коэффициенты младенческой смертности рассчитаны по формуле Ратса: $1/3$ родившихся в предыдущем году и $2/3$ — в текущем.

Результаты исследования и их обсуждение. Исчисленные коэффициенты младенческой смертности показывают, что в 1924 г. произошло значительное ее снижение по сравнению с дореволюционным периодом. Причинами данного явления могли стать уменьшение уровня рождаемости в годы Гражданской войны и голод 1921 — 1922 гг. Низкий уровень младенческой смертности в деревне также объясняется национальными (прежде всего башкирскими и татарскими) традициями ухода за детьми, заключавшимися в том числе в долгом грудном вскармливании и позднем вводе прикорма. Наибольшие показатели младенческой смертности на селе имели народы, в прошлом исповедовавшие православие, прежде всего русские. У бывших мусульман (башкир, татар) и язычников (марийцев, удмуртов) ее уровень был намного ниже. Однако в конце 1930-х гг. практически у всех народов (за исключением русских) в деревне произошло увеличение уровня младенческой смертности. Данное обстоятельство, скорее всего, было вызвано вовлечением женщин в общественное производство, в результате чего они стали уделять меньше внимания своим новорожденным детям, будучи заняты на колхозной работе.

Заключение. В рассматриваемый период коренного перелома в эволюции младенческой смертности в Башкирии не произошло. Переплетение различных факторов способствовало сохранению в сельской местности в довоенный период более низких показателей младенческой смертности в сравнении с городом.

Ключевые слова: младенческая смертность, Башкирия, довоенный период, коэффициент младенческой смертности, село, город

Для цитирования: Исянгулов Ш. Н. Младенческая смертность в деревне в 1920 — 1930-е гг. (на примере Башкирской АССР) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 1. С. 97 — 108. EDN PHSXKR

© Исянгулов Ш. Н., 2024

Original article

INFANT MORTALITY IN THE VILLAGE IN THE 1920S — 1930s (a Case Study of the Bashkir ASSR)

Sh. N. Isyangulov Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences,
Ufa, Russia
isangul-schamil@mail.ru*Abstract*

Introduction. The article examines infant mortality in rural areas of the Bashkir ASSR in the 1920s — 1930s in comparison with similar indicators for the entire population. For the first time in historiography, infant mortality rates were determined in the village and throughout Bashkiria from 1926 to 1940, mainly on the basis of unpublished sources.

Materials and methods. A review of the literature showed that the problem has not been studied enough. The main sources were published and archived statistical sources. Infant mortality rates are calculated according to the Rats Formula: 1/3 of those born in the previous year and 2/3 — in the current year.

Results and discussion. The calculated infant mortality rates show that as early as 1924 there was a significant decrease in death rate compared to the pre-revolutionary period. One of the reasons for this phenomenon could be a decrease in the birth rate during the Civil War and the famine of 1921 — 1922. The low level of infant mortality in the village is also explained by national, primarily Bashkir and Tatar women, traditions of child care, which included, among other things, long breastfeeding and late introduction of complementary foods. The highest rates of infant mortality in rural areas were among peoples who in the past professed Orthodoxy, primarily Russians. Among former Muslims (Bashkirs, Tatars) and pagans (Mari, Udmurts) it was much lower. At the same time, in the late 1930s, almost all peoples (except Russians) in the village experienced an increase in the infant mortality rate. This circumstance was most likely caused by the involvement of women in social production, after which they began to pay less attention to their newborn children, being engaged in collective farm work.

Conclusion. There was no radical change in the evolution of infant mortality in Bashkiria during the period under review. The interweaving of various factors continued to contribute to the preservation of the infant mortality rate in the village in the pre-war period at a high level.

Keywords: infant mortality; Bashkiria; pre-war period; infant mortality rate; village; city

For citation: Isyangulov ShN. Infant Mortality in the Village in the 1920s — 1930s (a Case Study of the Bashkir ASSR). *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2024;16(1):97—108. EDN PHSXKR

Введение

В настоящее время определенную озабоченность государства и общественности вызывает тенденция повышения показателя младенческой смертности в стране. В связи с этим растет научный интерес к динамике смертности грудных детей в возрасте до одного года в довоенный период, когда ее уровень был достаточно высоким. Исследование эволюции младенческой смертности в сельской местности в довоенные годы позволяет выявить тенденции развития смертности всего населения.

Целью данной статьи является изучение младенческой смертности в 1920 — 1930-е гг. в Башкирской АССР, где большинство населения было сельским. В ней впервые в историографии определены коэффициенты младенческой смертности как в деревне, так и по всей территории региона.

Обзор литературы

Историография рассматриваемой темы немногочисленна. Младенческую и детскую смертность в Уфе в 1923 г. изучали Э. Ф. Ваннах и М. И. Коц. Они констатировали ее относительно низкий уровень в столице Башкирии по сравнению с дореволюционным периодом [4]. Детскую смертность в 1926 — 1929 гг. в Башкирии рассмотрел Г. В. Голубцов. Значительную часть его работы составляют статистические таблицы, и сегодня представляющие практическую ценность [8]. Причины младенческой смертности в 1938 — 1939 гг. проанализировали Н. А. Шерстенников и Н. Н. Барсов¹.

Другое направление в историографии представлено изучением продолжительности жизни и воспроизводства населения. В частности, демографы С. А. Новосельский и В. В. Паевский, используя материалы Всесоюзной переписи населения 1926 года, составили так называемые таблицы смертности, в том числе по Башкирской АССР². В годы Великой Отечественной войны исследованием воспроизводства населения региона занимался профессор А. М. Мерков, находившийся в Уфе в эвакуации. Его работа 1943 г. осталась в рукописи³. В дальнейшем материалы рукописи нашли отражение в последующих работах ученого. Так, А. М. Мерков совместно с Н. С. Махмутзяновой составили таблицы смертности населения в 1938 — 1939 гг. в Башкирской АССР [15, с. 159 — 170; 16]. Однако в исследованиях историков указанные таблицы практически не использовались, в том числе и при изучении младенческой смертности.

В последующие годы данная проблема фактически не изучалась. Региональные ученые постсоветского времени в основном опирались на материалы Г. В. Голубцова [11, с. 257; 21]. На современном этапе появились исследования, посвященные историко-демографическим проблемам России и СССР, в которых так или иначе затрагивается вопрос о младенческой смертности в 1920 — 1930-е гг., в том числе и в Башкирии [3, с. 91 — 96; 5, с. 100 — 103, 198; 10, с. 43 — 73; 17, с. 206 — 211]. Эволюция младенческой и детской смертности в России и СССР в XX в. нашла отражение в ряде статей [1; 12; 14]. Детскую смертность на Южном Урале в 1933 — 1939 гг. на примере Башкирской АССР, Оренбургской и Челябинской областей рассматривают Р. Р. Хисамутдинова и А. И. Ажигулова. В их работах приводятся абсолютные показатели смертности младенцев, относительные — остались не численными [2; 24].

Материалы и методы

Анализ статистических источников, отложившихся в фондах центрального и регионального архивов, позволяет проследить динамику младенческой смертности в Башкирии на длительном периоде времени. До этого в научной литературе пуб-

---

¹ Шерстенников Н. А., Барсов Н. Н. Сводно-аналитический обзор здравоохранения и санитарного состояния Башкирской АССР за 1939 г.: рукоп. Уфа, 1940.

² Смертность и продолжительность жизни населения СССР. 1926 — 1927: Табл. смертности. М., 1930. 139 с.

³ ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 512; НА РБ (Национальный архив Республики Башкортостан). Ф. Р-444. Оп. 1. Д. 8.

ликовалась абсолютная и относительная информация о младенческой смертности в регионе только за отдельные годы, что затрудняет восприятие проблемы.

Все цифровые данные младенческой смертности в сельской местности Башкирской АССР даются в сравнении с аналогичными показателями относительно всего населения. Коэффициенты младенческой смертности исчислены по формуле Ратса: $1/3$ родившихся в предыдущем году и $2/3$ — в текущем.

Результаты исследования и их обсуждение

Младенческая смертность, т. е. смертность грудных детей до одного года, в дореволюционный период в России была высокой. Так, в Оренбургской губернии на 1000 родившихся в 1867 — 1881 гг. умерло детей до 1 года 320 чел., в 1886 — 1897 гг. — 308, в 1908 — 1910 гг. — 250, в Уфимской губернии соответственно 243, 253, 207, в 50 губерниях Европейской части России — 271, 274 и 253 [19, с. 195 — 196]. Это означало, что на первом году жизни умирало от четверти до трети родившихся детей. По сведениям Э. И. Гиккеля, в Уфимской губернии в 1897 — 1911 гг. в среднем за год на 1000 родившихся умирало 224 младенца [7, с. 48]. В дореволюционной деревне на смертность младенцев до года влияла традиция кормления и воспитания детей (в основном у башкирского и татарского народа): долгое грудное вскармливание и поздний прикорм (отсюда относительно низкая младенческая смертность по сравнению с русским населением). В городах, большинство населения которых составляли русские, младенческая смертность была выше, чем в деревне. Однако смертность у башкир и татар повышалась в возрасте 1 — 5 лет, тогда как у русских в этой возрастной группе она была ниже [6, с. 66 — 67; 7, с. 51 — 53; 13, с. 63 — 65; 18, с. 240 — 278].

С 1916 по 1923 г. статистические данные о младенческой смертности в Башкирии отсутствуют. Относительно достоверные сведения по детской смертности в республике мы имеем с 1924 г., в сельской местности — с 1925 г. Однако и в 1926 г., и в последующие годы по Башкирской АССР отмечалась неполнота сведений ЗАГСа⁴. Если в городах учет был более или менее полным, то в сельской местности отмечался недоучет смертей, особенно младенцев.

Младенческая и детская смертность в 1920-е гг., как и в дореволюционный период, продолжали определять смертность всего населения региона, составляя значительный удельный вес в ее общей структуре. Так, в 1897 — 1911 гг. в Уфимской губернии умершие в возрасте до одного года в общей структуре смертности населения составляли 37,2 %, в том числе у православных — 47,8, у мусульман — 27,1 %; в возрасте 1 — 10 лет соответственно 29,3 %, 23,4 и 35,1 %. Таким образом, в конце XIX — начале XX в. умершие в возрасте до 10 лет составляли 66,5 % от общего числа всех умерших, у православных — 71,2 %, у мусульман — 62,2 %. В целом дети до 15 лет составляли 68,6 % всех умерших [7, с. 35 — 36]. В Оренбургской губернии в 1897 — 1899 гг. умершие в возрасте до 5 лет в среднем в год составляли 71,0 % всех умерших, в том числе у православных — 73,7, у мусульман — 61,4 % [13, с. 60, 63]. Младенцы до одного года продолжали составлять значительный процент умерших и в довоенные годы (табл. 1).

⁴ Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. М., 1929. С. 5.

Таблица 1. Удельный вес умерших детей до 1 года в Башкирии, %

Table 1. The proportion of deceased children under 1 year old in Bashkiria, %

Год	Село	Город	Всего
1925	35,1	41,4	35,6
1926	38,2	41,2	38,6
1927	41,2	41,5	41,2
1928	36,9	28,7	36,8
1929	36,6	36,2	36,6
1930	37,2	34,2	36,8
1931	35,1	30,4	34,5
1932	32,8	28,3	32,0
1933	19,8	19,3	19,7
1934	23,5	18,6	22,7
1935	30,3	28,2	30,1
1936	34,7	33,4	34,6
1937	36,7	37,0	36,8
1938	33,1	35,3	33,4
1939	42,4	38,5	41,6
1940	35,5	34,8	35,3

Составлена по: Голубцов Г. В. Опыт изучения детской смертности в Башкирии. Уфа, 1933. С. 10; Башкортостан в цифрах. Уфа, 2018. С. 113, 129; Статистический справочник СССР за 1928 год. М., 1929. С. 76 — 77; Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. М., 1929. С. 56 — 71; НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 3. Д. 1259. Л. 4, 5; Д. 1258. Л. 319 — 319 об., 320 — 320 об., 323 — 323 об.; Оп. 6. Д. 509. Л. 1 об., 3 об.; ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 251. Л. 75 — 75 об., 77 — 77 об., 79 — 79 об.; Д. 297. Л. 63 об., 64 об., 65 об.; Д. 388. Л. 184, 185, 187; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 790. Л. 270; Д. 394. Л. 133 об., 134 об., 135 об.; Оп. 20. Д. 89. Л. 175 об., 176 об., 178 об.; Д. 154. Л. 77 — 77 об.

Compiled by: Golubtsov G. V. The experience of studying child mortality in Bashkiria. Ufa, 1933. P. 10; Bashkortostan in numbers. Ufa, 2018. P. 111 — 112, 129; Statistical Handbook of the USSR for 1928. Moscow, 1929. P. 76 — 77; Natural movement of the population of the USSR in 1926. Moscow, 1929. P. 56 — 71; National Archives of the Republic of Bashkortostan. F. R-472. Record 3. Case 1259. P. 4, 5; Case 1258. P. 319 — 319 verso, 320 — 320 verso, 323 — 323 verso; Record 6. Case 509. P. 1 verso, 3 verso; State Archives of the Russian Federation. F. A-374. Record 23. Case 251. P. 75 — 75 verso, 77 — 77 verso, 79 — 79 verso; Case. 297. P. 63 verso, 64 verso, 65 verso; Case 388. P. 184, 185, 187; Russian State Archive of Economy. F. 1562. Record 329. Case 790. P. 270; Case 394. P. 133 verso, 134 verso, 135 verso; Record 20. Case 89. P. 175 verso, 176 verso, 178 verso; Case 154. P. 77 — 77 verso.

Примерно такой же процент составляли младенцы от общего числа умерших в 1926 — 1927 гг. и в других поволжских национальных республиках (Татарии и Чувашии), тогда как на Среднем Урале он был еще выше (в Уральской области — 58,1 %, в Вятском районе — 47 %) [17, с. 210 — 211]. В 1930-е гг. (за исключением 1938 и 1939 гг.) удельный вес умерших младенцев в общей смертности в Башкирии был выше, чем в РСФСР и СССР [10, с. 65].

Удельный вес младенцев в общей смертности населения в сельской местности в 1920 — 1930-е гг. (за исключением 1937 — 1938 гг.) в отличие от дореволюционного периода был выше, чем в городе. Следует отметить, что этот показатель в 1933 г. в

деревне снизился на 39,6 % по сравнению с предыдущим годом, в городах — на 31,8 %, по республике — на 38,4 %. Дело в том, что во время голода повысился удельный вес других возрастных групп (стариков, взрослых людей, детей старше года) среди умерших. Такое положение в 1933 — 1934 гг. отмечалось по всей стране [9, с. 23]. С 1935 г. удельный вес младенцев в структуре смертности населения вновь повысился и достиг к 1939 г. в деревне пика.

Высоким оставался удельный вес среди умерших и детей в возрасте 1 — 5 лет. В целом смертность детей до 5 лет оставалась очень высокой, доходя в иные годы до 2/3 всех смертей. Если в 1897 г. в Башкирии (в сопоставимых границах) в возрасте до 4 лет умирало 106,5 человека на 1000 населения, то в 1927 г. — 84,2⁵.

В 1920 — 1930-е гг. уровень младенческой смертности в сельской местности был ниже, чем в городе (табл. 2). Несомненно, здесь следует учитывать недоучет родившихся и умерших детей на селе. Между тем на Среднем Урале (на территории данной области) младенческая смертность в деревне была намного выше, чем в городе. Даже учитывая то, что в конце 1930-х гг. в Свердловской области более половины населения являлось уже городским, тогда как в Башкирии горожанами были лишь 17,1 % [14, с. 82]. В 1920-е гг. (в частности, в 1926 — 1928 гг.) в Европейской части РСФСР младенческая смертность в сельской местности была выше, чем в городе [8, с. 11]⁶. Все эти обстоятельства наталкивают на мысль, что ни уровень медицинского обслуживания, ни статистический недоучет смертей и рождений, по крайней мере в Башкирии, не являются главными причинами низкого уровня младенческой смертности в деревне (по сравнению с городом).

Таблица 2. Младенческая смертность в Башкирии в 1920-е — 1940 гг.

Table 2. Infant mortality in Bashkiria in the 1920s — 1940s

Год	Число родившихся, тыс. чел.		Число умерших детей до 1 года, тыс. чел.		Коэффициент младенческой смертности, ‰	
	село	всего	село	всего	село	всего
1	2	3	4	5	6	7
1923	—	86,1	—	—	—	—
1924	—	122,2	—	19,8	—	179
1925	121,3	129,3	21,9	23,8	—	187
1926	108,4	118,5	14,6	16,6	129	136
1927	121,5	132,5	22,2	24,7	189	193
1928	141,3	151,6	16,5	18,2	122	123
1929	130,1	144,6	19,7	21,5	147	147
1930	112,0	122,1	14,3	16,4	121	127
1931	113,7	123,6	18,4	20,7	163	168

⁵ ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 351. Л. 48.

⁶ Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. С. 39; Статистический справочник СССР за 1928 год. М., 1929. С. 76 — 77; Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами: Стат. сведения о сельском хозяйстве за 1927 — 1930 гг. для членов XVI съезда ВКП(б). М., 1930. С. 10.

Окончание табл. 2 / End of table 2

1	2	3	4	5	6	7
1932	102,6	114,3	11,6	13,8	109	118
1933	91,2	96,2	12,7	14,6	133	143
1934	109,7	117,6	10,1	11,5	97	104
1935	130,7	143,6	17,1	19,3	138	143
1936	133,4	148,5	25,5	28,8	193	196
1937	116,9	135,0	22,4	26,5	183	190
1938	124,6	145,3	18,6	22,4	152	158
1939	129,3	150,4	23,8	28,0	186	189
1940	101,0	119,6	22,2	27,4	201	211

Составлена по: Башкортостан в цифрах. С. 113, 129; Статистический ежегодник 1924 г. М., 1926. Вып. 1. С. 40; Естественное движение населения Союза ССР. 1923 — 1925. М., 1928. С. 9, 30 — 31, 38 — 39, 46 — 47, 52 — 53, 60 — 61; Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. С. 56 — 71; Статистический справочник СССР за 1928 год. С. 76; НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 3. Д. 1256. Л. 1, 2; Д. 1259. Л. 4, 5; Д. 1258. Л. 319 — 319 об., 320 — 320 об., 323 — 323 об.; Оп. 6. Д. 509. Л. 1 об., 3 об.; Ф. Р-804. Оп. 2. Д. 625. Л. 250; ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 251. Л. 75 — 75 об., 77 — 77 об., 79 — 79 об.; Д. 297. Л. 63 об., 64 об., 65 об.; Д. 388. Л. 184, 185, 187; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 790. Л. 214, 260, 270; Д. 394. Л. 133 об., 134 об., 135 об.; Оп. 20. Д. 58. Л. 98; Д. 89. Л. 175 об., 176 об., 178 об.; Д. 154. Л. 77 — 77 об.

Compiled by: Bashkortostan in num bers. Ufa, 2018. P. 113, 129; Statistical Yearbook 1924. Moscow, 1926. Issue 1. P. 40; Natural movement of the population of the USSR. 1923 — 1925. Moscow, 1928. P. 9, 30 — 31, 38 — 39, 46 — 47, 52 — 53, 60 — 61; Natural movement of the population of the USSR in 1926. Moscow, 1929. P. 56 — 71; Statistical Handbook of the USSR for 1928. Moscow, 1929. P. 76; National Archives of the Republic of Bashkortostan. F. R-472. Record 3. Case 1256. P. 1, 2; Case 1259. P. 4, 5; Case 1258. P. 319 — 319 verso, 320 — 320 verso, 323 — 323 verso; Record 6. Case 509. P. 1 verso, 3 verso; F. R-804. Record 2. Case 625. P. 250; State Archives of the Russian Federation. F. A-374. Record 23. Case 251. P. 75 — 75 verso, 77 — 77 verso, 79 — 79 verso; Case 297. P. 63 verso, 64 verso, 65 verso; Case 388. P. 184, 185, 187; Russian State Archive of Economy. F. 1562. Record 329. Case 790. P. 214, 260, 270; Case 394. P. 133 verso, 134 verso, 135 verso; Record 20. Case 58. P. 98; Case 89. P. 175 verso, 176 verso, 178 verso; Case 154. P. 77 — 77 verso.

Э. Ваннах и М. Коц отмечали, что после голода в 1923 г. в Уфе произошло резкое снижение младенческой смертности по сравнению с дореволюционным периодом. Данное явление, по их мнению, объяснить трудно, оно требует более детального изучения [4, с. 40]. Такое положение наблюдалось и в Москве, и Петрограде⁷. Значительное снижение уровня младенческой смертности произошло в 1920-е гг. и в сельской местности. Так, в Башкирии в 1924 г. младенцев умерло на 20,1 % меньше, чем в Уфимской губернии в 1897 — 1911 гг. (см. табл. 2) [7, с. 48].

Одной из причин снижения смертности грудных детей могли стать уменьшение уровня рождаемости в годы Гражданской войны и голод 1921 — 1922 гг. По мнению известного советского демографа Р. И. Сифман, вопрос влияния сокращения рождаемости на снижение детской смертности остается неопределенным. Она предположила, что разрежение детской среды в силу снижения уровня рождаемости предот-

⁷ Уипль Дж. Ч., Новосельский С. А. Основы демографической и санитарной статистики. М., 1929. С. 608.

вращало массовое распространение инфекций и определенным образом влияло на детскую смертность [20, с. 55, 57 — 59]. Таким образом, связь между сокращением рождаемости в начале 1920-х гг. и снижением младенческой смертности после 1922 г. могла иметь место. Однако данное явление требует дальнейшего изучения.

В первой половине 1930-х гг. на снижение уровня рождаемости в деревне бесспорно повлияла насильственная коллективизация сельского хозяйства. С ее началом в 1930 г. родилось детей на 13,9 % меньше, чем в 1929 г., в 1932 г. — на 21,1 %. Уровень младенческой смертности в 1930 г. по сравнению с 1929 г. снизился на 17,7 %, в 1932 г. — на 25,8 %. В деревне общий коэффициент рождаемости уменьшился с 42,1 ‰ в 1931 г. до 35,5 ‰ в 1933 г., т. е. на 15,7 %⁸. В 1933 г. на селе родилось на 22,5 тыс. детей меньше, чем в 1931 г. Все это привело к значительному снижению уровня младенческой смертности, который в 1934 г. в сельской местности Башкирии был наименьшим за весь рассматриваемый период.

Следует отметить, что динамика уровня младенческой смертности на селе в 1926 — 1940 гг. имела волнообразный характер: он повышался или понижался в зависимости от числа родившихся детей. В 1932 — 1934 гг. уровень младенческой смертности в башкирской деревне был относительно низким, с 1935 г. он вновь начинает расти, в 1940 г. превысил общероссийские показатели [5, с. 198]. Между тем в РСФСР (как в городе, так и на селе) в 1933 г. коэффициент смертности детей до 1 года оказался наивысшим за весь довоенный период, а во второй половине 1930-х гг. имел тенденцию к снижению [12, с. 48]. В то же время повышение уровня младенческой смертности на селе в конце 1930-х гг. было общероссийской тенденцией [5, с. 198].

Особо важным для Башкирской АССР является изучение этнических различий в младенческой смертности (табл. 3).

Таблица 3. Уровень младенческой смертности в сельской местности
Башкирской АССР по национальностям, ‰

Table 3. Infant mortality rate in rural areas of the Bashkir ASSR by nationality, ‰

Национальность	1928	1929	1937	1938
Башкиры	93	103	151	136
Татары	90	106	158	135
Русские	175	218	217	173
Украинцы	112	132	151	142
Чуваши	128	162	184	171
Марийцы	80	109	245	162
Мордва	—	—	227	172
Удмурты	—	—	215	195
Всего	123	147	183	152

В таблице сведения за 1928 г. приводятся по книге Г. В. Голубцова, за 1929, 1937 и 1938 гг. — исчисления автора. Проверка исчислений Г. В. Голубцова за 1929 г. показала небольшую разницу: у русских — 219 (авторские исчисления — 218), у чувашей — 163 (авторские исчисления — 162), у марийцев — 110 (авторские исчисления — 109).

⁸ Подсчитано по: НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 3. Д. 1258. Л. 320 — 320 об; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 256. Л. 22.

Составлена по: Голубцов Г. В. Указ. соч. С. 15 — 16; НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 3. Д. 1256. Л. 2; Д. 1259. Л. 5; ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 298. Л. 234 — 234 об; Д. 336. Л. 189 — 189 об; Д. 388. Л. 187 / Compiled by: Golubtsov G. V. Op zit.: 15 — 16; National Archives of the Republic of Bashkortostan. F. R-472. Record 3. Case 1256. P. 2; Case 1259. P. 5; State Archives of the Russian Federation. F. A-374. Record 23. Case 298. P. 234 — 234 verso; Case 336. P. 189 — 189 verso; Case 388. P. 187.

Дореволюционная статистика по национальностям практически отсутствует, в связи с этим воспользуемся сведениями по вероисповеданиям. В Уфимской губернии в 1897 — 1911 гг. младенческая смертность в среднем у православного населения составляла 297 ‰, у мусульман — 155, у язычников — 112 ‰ [7, с. 52]. В 1920 — 1930-е гг. уровень младенческой смертности оставался относительно высоким у всех народов. Наиболее высоким, как и в дореволюционный период, он был у русского населения. У некоторых народов наблюдался скачок уровня младенческой смертности, например, у марийцев и удмуртов (бывших язычников) в 1937 г. он стал выше, чем в дореволюционный период. В целом в 1937 — 1938 гг. по сравнению с 1928 — 1929 гг. произошло ухудшение положения со смертностью грудных детей практически у всех народов, заселяющих регион (башкир, татар, украинцев, чувашей, марийцев; предположительно, мордвы и удмуртов), за исключением русских. Данное обстоятельство, очевидно, было вызвано широким вовлечением женщин в общественное производство, после чего они стали меньше внимания уделять своим новорожденным детям, будучи с утра до вечера заняты на колхозной работе.

В 1920 — 1930-е гг. система медицинской помощи беременным женщинам и грудным детям в Башкирской АССР только складывалась [22; 23]. Первые женские консультации в республике появились в 1924 г., в 1927 г. их было 17, в 1932 г. — 54, в 1940 г. — 105. Число коек для беременных и рожениц с 1932 по 1940 г. выросло с 216 до 1 547⁹. Наибольшие успехи в данной сфере были достигнуты в городах. Если в городской местности (при учреждениях и на дому) с 1928 г. по 1939 г. охват медицинскими услугами при родах увеличился с 60 % до 80 %, то в сельской — только с 6 % до 29 % [23, с. 124]. Данное обстоятельство свидетельствует, что развитие здравоохранения в 1920 — 1930-е гг. не могло быть решающим фактором в снижении младенческой смертности в башкирской деревне.

К сожалению, в рассматриваемый период органы статистики не разрабатывали сведения о причинах смертности в сельской местности. Определенные данные известны лишь по некоторым городским поселениям за отдельные годы. Так, в 1930 г. в Уфе распространенной причиной смерти детей до одного года были болезни органов пищеварения (32,6 %): диарея, колиты, диспепсия и другие, вызванные недостатком пищи; далее врожденные аномалии (22,3 %), болезни органов дыхания (18 %), эпидемические и инфекционные заболевания (15,3 %), болезни нервной системы и органов чувств (6 %) и др.¹⁰ Болезни органов пищеварения и дыхания оставались главными причинами младенческой смертности и в 1939 — 1940 гг.¹¹ В сельской местности ситуация была сходной.

⁹ Башкортостан в цифрах. Уфа, 2018. С. 364.

¹⁰ Подсчитано по: НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 3. Д. 1259. Л. 46 — 46 об.

¹¹ НА РБ. Ф. Р-444. Оп. 1. Д. 794. Л. 6.

Заключение

Младенческая смертность — один из демографических показателей, отражающих уровень развития страны и происходящие в ней экономические и социальные изменения. Несмотря на устойчивую тенденцию к снижению младенческой смертности в 1920-е гг. по сравнению с дореволюционным периодом, она на протяжении рассматриваемого периода продолжала оставаться достаточно высокой. Подобная ситуация наблюдалась и в сельской местности Башкирской АССР. На динамику младенческой смертности влияло множество факторов. Один из первых был связан с особенностями вскармливания грудных детей. Низкий уровень младенческой смертности в деревне объясняется национальными (прежде всего башкирскими и татарскими) традициями ухода за детьми, заключавшимися в долгом грудном вскармливании и позднем вводе прикорма. Наибольшие показатели младенческой смертности на селе имели православные народы, т. е. по большей части русские. У них традиционно было принято чуть ли не с первых дней жизни давать ребенку прикорм или лишать вообще грудного молока. В конце 1930-х гг. практически у всех народов (за исключением русских) в деревне произошло увеличение уровня младенческой смертности. Данное обстоятельство, скорее всего, было вызвано вовлечением женщин в общественное производство, в результате чего они стали уделять меньше внимания своим новорожденным детям, будучи заняты на колхозной работе. Еще одна причина высокой младенческой смертности определялась организацией и качеством оказания медицинской помощи. Несмотря на развитие системы здравоохранения, уровень младенческой смертности в конце 1930-х гг. имел тенденцию к повышению как на селе, так и в городе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Авдеев А. Младенческая смертность и история охраны материнства и детства в России и СССР // Историческая демография: сб. ст. / под ред. М. Б. Денисенко, И. А. Троицкой. М.: МАКС Пресс, 2008. С. 13 — 72. (Демогр. исслед.; вып. 14).
2. Ажигулова А. И. Младенческая смертность на Южном Урале во второй половине 1930-х гг.: причины, динамика // Современная научная мысль. 2022. № 4. С. 102 — 107.
3. Араловец Н. А. Городская семья в России, 1927 — 1959 гг. Тула: Гриф и К, 2009. 304 с.
4. Ваннах Э. Ф., Коц М. И. Движение населения г. Уфы в 1923 году // Вестник Башкирского народного комиссариата здравоохранения. 1924. № 1 — 2. С. 34 — 47.
5. Вербицкая О. М. Российская сельская семья в 1897 — 1959 гг. (историко-демографический аспект). М.; Тула: Гриф и К, 2009. 296 с.
6. Воспроизводство населения СССР / А. Г. Волков [и др.]. М.: Финансы и статистика, 1983. 304 с.
7. Гиккель Э. И. Санитарно-статистические сведения по Уфимской губернии. Вып. 1: Очерк движения населения Уфимской губернии в 1897 — 1911 гг. Уфа: Типо-лит. изд-ва «Красный Октябрь», 1916. 80 с.
8. Голубцов Г. В. Опыт изучения детской смертности в Башкирии. Уфа, 1933. 32 с.
9. Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М.: РОССПЭН, 2001. 280 с.
10. Жиромская В. Б., Араловец Н. А. Российские дети в конце XIX — начале XXI в.: историко-демографические очерки. М.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2018. 223 с.
11. История Башкортостана. 1917 — 1990-е годы: в 2 т. Т. 2: 1945 — 1990. Уфа: Гилем, 2005. Т. 2. 313 с.

12. Кваша Е. А. Младенческая смертность в России в XX веке // Социологические исследования. 2003. № 6. С. 47 — 55.
13. Кенигсберг М. М. Сборник медико-статистических работ по Оренбургской губернии. Т. 1, ч. 1: Санитарное состояние Оренбургской губернии по данным естественного движения за трехлетие 1897 — 1899 гг. Оренбург: Губернская типо-литография, 1901. 517 с.
14. Корнилов Г. Е. Эволюция младенческой смертности на Урале в первой половине XX в. // Уральский исторический вестник. 2014. № 3 (44). С. 80 — 89.
15. Мерков А. М. Здоровье населения и методы его изучения: Избр. произв. М.: Статистика, 1979. 232 с.
16. Мерков А.М., Махмутзянова Н. С. Воспроизводство населения Башкирской АССР (материалы по динамике смертности) // Изучение воспроизводства населения. М.: Наука, 1968. С. 268 — 284. (Уч. зап. по статистике; вып 14).
17. Население России в XX веке: ист. очерки: в 3 т. Т. 1: 1900 — 1939. М.: РОССПЭН, 2000. 463 с.
18. Птуха М. В. Очерки по статистике населения. М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1960. 460 с.
19. Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811 — 1913 гг.): стат. очерки. М.: Гос. стат. издат. 1956. 352 с.
20. Сифман Р. И. К вопросу о причинах снижения детской смертности в годы Великой Отечественной войны // Продолжительность жизни: анализ и моделирование : сб. ст. М.: Статистика, 1979. С. 50 — 60.
21. Сулейманова Р. Н. Из истории охраны материнства и младенчества в Башкортостане // Ватандаш. 1999. № 9. С. 125 — 133.
22. Сулейманова Р. Н. Охрана материнства и детства в советской России в 1920-х гг.: опыт Башкирии // Женщина в российском обществе. 2022. № 1. С. 98 — 107.
23. Султангузина Г. Ю. Охрана материнства и младенчества в Башкирии в 1920 — 1930 гг. // Вестник Башкирского университета. 2008. Т. 13, № 1. С. 123 — 125.
24. Хисамутдинова Р. Р., Ажигулова А. И. Младенческая смертность на Южном Урале в 1930-е гг. // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 9, № 4. С. 92 — 106.

Статья поступила в редакцию 02.10.2023; одобрена после рецензирования 29.11.2023; принята к публикации 06.12.2023.

Информация об авторе:

Шамиль Наилевич Исянгулов, старший научный сотрудник отдела новейшей истории Башкортостана Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (450054, г. Уфа, пр. Октября, 71), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5691-5566>, Scopus ID: 57221677332, isangul-schamil@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Avdeev A. Infant Mortality and the History of Maternity and Childhood Protection in Russia and the USSR. *Historical Demography. Collection of Articles*. Moscow;2008;14:13—72. (In Russ.)
2. Azhigulova AI. Infant Mortality in the Southern Urals in the Second Half of the 1930s: Causes, Dynamics. *Modern Scientific Thought*. 2022;(4):102—107. (In Russ.)
3. Aralovets NA. The Urban Family in Russia: 1927 — 1959. Tula;2009. (In Russ.)
4. Vannah EF, Kotz MI. The Movement of the Population of Ufa in 1923. *Bulletin of the Bashkir People's Commissariat of Health*. 1924;(1—2):34—47. (In Russ.)

5. Verbitskaya OM. Russian Rural Family in 1897 — 1959: Historical and Demographic Aspects. Moscow;Tula;2009. (In Russ.)
6. Volkov AG. Reproduction of the Population of the USSR. Moscow;1983. (In Russ.)
7. Hickel EI. Health and Statistical Information on the Ufa Gubernia. Essay on the Movement of the Ufa Gubernia Population in 1897 — 1911. Ufa;1916. (In Russ.)
8. Golubtsov GV. The Experience of Studying Child Mortality in Bashkiria. Ufa;1933. (In Russ.)
9. Zhiromskaya VB. Demographic History of Russia in the 1930s. A Sight into the Unknown. Moscow;2001. (In Russ.)
10. Zhiromskaya VB, Aralovets NA. Russian Children in the Late XIX — Beginning of the XXI Century: Historical and Demographic Essays. Moscow;2018. (In Russ.)
11. History of Bashkortostan. 1917 — 1990s. Ufa;2005. (In Russ.)
12. Kvasha EA. Infant Mortality in Russia in the XX Century. *Sociological Research*. 2003;(6): 47—55. (In Russ.)
13. Kenigsberg MM. Collection of Medical and Statistical Works on the Orenburg Gubernia. The Sanitary Condition of the Orenburg Gubernia According to the Data of the Natural Movement for the Three Years 1897 — 1899. Orenburg;1901. (In Russ.)
14. Kornilov GE. Evolution of Infant Mortality in the Ural during the First Half of the XX Century. *Ural Historical Journal*. 2014;(3):80—89. (In Russ.)
15. Merkov AM. Population Health and Methods of Its Study: Selected Works. Moscow;1979. (In Russ.)
16. Merkov AM, Makhmutzyanova NS. Reproduction of the Population of the Bashkir ASSR (Based on Mortality Dynamics Materials). *Study of Population Reproduction*. Moscow;1968;14: 268—284. (In Russ.)
17. The Population of Russia in the XX Century: Historical Essays. Moscow;2000. (In Russ.)
18. Ptukha MV. Essays on the Statistics of Population. Moscow;1960. (In Russ.)
19. Rashin AG. Population of Russia for 100 Years (1811 — 1913). Statistical Essays. Moscow;1956. (In Russ.)
20. Sifman RI. On the Issue of the Causes of the Decrease in Child Mortality during the Great Patriotic War. *Lifespan: Analysis and Modeling*. Moscow;1979:50—60. (In Russ.)
21. Suleimanova RN. From the History of Maternity and Infancy Protection in Bashkortostan. *Compatriot*. 1999;(9):125—133. (In Russ.)
22. Suleimanova RN. Protection of Maternity and Infancy in Soviet Russia of the 1920s: Regional Experience. *Woman in Russian Society*. 2022;(1):98—107. (In Russ.)
23. Sultanguzhina GU. Mother and Child in Bashkiria in 1920 — 1930. *The BSU Bulletin*. 2008;13(1): 123—125. (In Russ.)
24. Hisamutdinova RR, Azhigulova AI. Infant Mortality in the Southern Urals in the 1930s. *Modern Studies of Social Issues*. 2017;9(4):92—106. (In Russ.)

The article was submitted 02.01.2023; approved after reviewing 29.11.2023; accepted for publication 06.12.2023.

Information about the author:

Shamil N. Isyangulov, Senior Researcher of Department of Modern History of Bashkortostan of the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (71 Oktyabrya Avenue, Ufa 450054, Russia), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5691-5566>, Scopus ID 57221677332, isangul-schamil@mail.ru

Conflict of interest: the author declares that there is no conflict of interest.

The author read and approved the final version of the manuscript.